Глава 18. Юный господин из Дома Сунь

И матушка Пин, и Старик Шен, широко раскрыв рты, стояли у повозки.

— Господин, когда это Вы научились так хорошо играть на цитре?

Оба верных слуги помнили терзания своих ушей, которыми их господин занимался, готовясь к визитам учителя. ЖУТЬ-КОШМАР! Из дома сбегали даже курицы.

Чэнь Жун молчал в задумчивости. Кажется, он немного перестарался. Пусть Жунь откровенно торжествовала, но он-то видел чуть дальше, и его этими пренебрежительными фырканьями было не обмануть… Любопытно, как среагирует отец на шквал предложений о браке? Вариант с наложником – все же есть в произошедшем и плюс,- он теперь даже не рассматривал. Кажется, ему придется скрываться в столице и от своей семьи… А еще этот Юй, слишком уж характерная реакция. Не маг ли он? Вот только такой фигни ему и не хватало. Он стукнулся лбом о гриф цитры.

«Гребаная лопата!»

— Я научился этому во сне, — наконец ответил он, выдержав паузу.

Не дожидаясь, когда они придут в себя, Чэнь Жун, понизив голос, доверительно сказал:

— Не позволяйте слухам разойтись. Если кто-нибудь спросит, скажите им, что я начал от тоски серьезно изучать игру на цитре после того, как отец и брат покинули город.

Матушка Пинь и Старик Шен посмотрели друг на друга. Собственно, так оно и было, но вот только то изучение было… короче – было. И это главное. И они дружно кивнули в согласии.

Прожив всю свою жизнь в маленьком имении Чэнь, в маленьком городке Пинг, они были необразованными. Образование в это время могли позволить себе лишь весьма обеспеченные люди. Иметь образование – значит, приравниваться к элите этого мира, выше которой только Бессмертные. Несмотря на то, что трудно было поверить в правдивость слов Чэнь Жуна, они не могли найти другого объяснения его великолепной игре. На все воля Тенгри. Видно небо поцеловало малыша.

Ага, в темечко и несколько раз подряд, а потом пинком под … э-э-э, отправило избранным с непонятной миссией.

— Да, молодой господин, пожалуйста, будьте спокойны. Слухи не распространятся, — сказал с достоинством Старик Шен. Стоявшая рядом нянюшка Пинь тоже энергично кивнула.

Будучи простодушными, верными своему господину слугами, они быстро забыли об этом вопросе. В эти дни их господин действовал так, как будто на него снизошло божественное благословение (или откровение) и сам Тенгри накрыл его своей ладонью (и полапал… за попочку, очевидно). Возможно, что он действительно изучил мастерство игры на цитре во сне. И не такое случается – вон, Бессмертные на мечах по небу летают, как боги, и молниями швыряются. Они сами не видели, но люди рассказывают.

Сидя в повозке, Чэнь Жун кивнул и велел:

— Если кто-нибудь придет ко мне, скажите им, что я сплю.

— Да, господин.

Он сел в позу лотоса и погрузился в медитацию. Следовало удвоить усилия. Кажется, у него не так много времени.

Ци окутала его эфирным сиянием, похожим на призрачный огонь, в котором мелькали атрибуты всех стихий.

В это время караван снова отправился в путь.

Они прошли почти десять миль с того времени, как встретились две группы путешественников. Копыта лошадей выбивали пыль из сухой земли, образовав огромное пыльное облако вокруг них. Из середины колонны не было видно ни ее начала, ни конца.

После того, как Чэнь Жун сыграл свою сонату, он тихо сидел своей повозке, ни разу не показавшись наружу. Тем временем, люди, посланные Ван Уланом, а потом и другими, были вежливо отосланы Стариком Шеном и матушкой Пинь. Их господин отдыхал.

Вначале разъяренные дамы Домов Ван и Юй были готовы разорвать наглого мальчишку на части. Даже если они, или их сыновья/ возлюбленные/ братья/ мужья не были так хороши в игре на цитре как он, то могли бы конкурировать с ним в других вещах. В конце концов, он еще ребенок… и в этот момент у каждой случилось переключение какого-то внутреннего тумблера. Понятно, что мальчишке светит участь младшего мужа. А, следовательно, не такой уж плохой пары их сыновьям (третьим и далее) братьям(третьим и далее), и даже мужьям(младший муж опора и поддержка благосостояния семьи – а значит и положения жены)…к тому же подобное угодно императору… Да и молодость – недостаток, проходящий и наверняка, как возлюбленный этот мальчишка будет… вполне легально принят на женской половине. И даже если они сейчас не смогут сравниться с ним, то и не надо. Зачем покупать имитацию прекрасной вазы, когда можно получить ее саму? Они все равно будут заставлять его показывать свои умения. Пока он находится среди них, у них будет шанс выиграть хотя бы один раз и заставить его, скажем, посвятить свое выступление дочери/себе любимой…

Чего они не ожидали, так это того, что Чэнь Жун просто ляжет спать и больше не появится.

В это время внезапно вернулся отряд разведчиков.

Чэнь Жун приподнял краешек занавески и прошептал:

— Что случилось?

— Я пойду, узнаю, — ответил Старик Шен.

Он вернулся через тридцать минут, сел на свое место во главе повозки и сказал:

— Мы встретились с ветвью клана Сунь. Кажется, они столкнулись с бандитами по дороге сюда. Почти все взрослые члены клана убиты, только молодой мастер и некоторые слуги смогли выжить.

Едва старик закончил говорить, впереди послышался шум. В их сторону приближалась запыленная повозка.

Черный шелк и красное дерево моцзюнь (повозка чиновников высокого ранга) намекали на былую роскошь. На данный момент ткань была изорвана, а красное дерево покрыто зарубками от мечей и подпалинами. Значит, воевали и маги.

На месте кучера сидел мальчик лет пятнадцати. У него были блестящие черные глаза, прямой нос, в настоящее время крепко сжатые губы и очень усталое выражение лица.

Несмотря на это, он держал спину прямо, одеяние было белым и чистым, лишь волосы слегка растрепал ветер.

Ван Улан, хмурясь, обратился к мальчику:

— Господин, пусть слуга поведет карету. Если Вы не возражаете, я пришлю сюда нескольких.

— Не нужно, — покачал головой юный господин и не произнес больше ни слова.

Ван Улан нахмурился еще больше. Он раскрыл губы, чтобы сказать:

— Это была идея Цилана. Господин, нет нужды быть таким недружелюбным.

На этот раз молодой мастер Дома Сунь ничего не ответил.

Не сумев его убедить, мужчина нетерпеливо бросил прощальный жест и приказал

возвращаться в голову колонны.

Юноша вскоре добрался до повозки Чэнь Жуна и, сделав разворот, встал рядом.

Караван снова тронулся в путь.

— Молодой мастер, — из экипажа послышался хриплый голос. — Может Вам не стоит управлять каретой? Лучше позвольте мне.

Когда человек закончил говорить, можно было услышать, как он пытается встать.

Молодой господин поджал губы и крикнул, не оборачиваясь:

— Не беспокойся об этом.

Человек, сидевший внутри, больше не издал ни звука.

-oOo-

Солнце начало заходить за горизонт после того, как колонна проехала еще десять миль.

По сигналу свистка все коляски и повозки остановились. Слуги, не теряя ни минуты, начали готовить ужин.

Чэнь Жун покинул свою повозку. Он повернулся и посмотрел на молодого человека, который все еще сидел с прямой спиной на месте кучера. В золотистом свете заходящего солнца его красивое детское лицо было мрачным и опустошенным, словно он был одиноким волком в пустыне. В прошлой жизни он видел такое же опустошение (одиночество/горе) бесчисленное множество раз. Причем как женщиной, так и мужчиной. В этом они оба были едины.

Среди смеха, который время от времени звучал в лагере, его одиночество казалось чужеродным.

— Вы должны быть сильным, если хотите отомстить, — сказал Чэнь Жун, подойдя к молодому мастеру Сунь.— Только слабый отвергнет всю предлагаемую ему помощь и перемены, которые неизбежно должны произойти, погрузившись лишь в свою грусть и тоску.

Его голос был тихим и спокойным.

Юноша резко развернулся и посмотрел на Чень Жуна своими темными глазами. Чень мысленно вздрогнул. Маг. И не слабый, хоть и молодой. Наверняка, прорыв произошел из-за

критической ситуации. Смерть близких, угроза жизни.

Тем не менее, мальчик не обратил на него внимания. Отвернувшись, он ни разу не посмотрел на него вновь.

Вернувшись в лагерь, Чень Жун тихо отдал приказ:

— После того, как ужин будет готов, отправьте две порции господину Суню.

— Да, господин.

К тому времени, когда последний золотой луч опустился за горизонт, слуги закончили приготовление пищи. Дома Ван и Юй разложили на столах мясо и вино.

Во время трапезы Чэнь Жун заметил, что оба клана отправили пищу юноше из Дома Сунь, но он принял только его еду.

Он улыбнулся и покачал головой. Альфа, еб ты…

-oOo-

Люди стали намного расслабленнее и радостнее после того, как две группы состоятельных беженцев соединились в один караван. Когда луна поднялась высоко в небе, смех все еще звучал в воздухе.

Чэнь Жун вышел на прогулку, двигаясь вслед за светом луны, скользя в потоках эфира, в обилии насыщающего пространство вокруг. В боевом танце он мягко кружил, не касаясь ногами почвы, чередуя упражнения для стимуляции движения ци и связки боевых приемов боя с тенью.

Лагерь находился в открытом поле у реки на склоне холма. Лишь у самой воды пышно росли кусты и деревья среди крупных валунов.

Под лунным светом тихо текла река, на водной глади которой мерцали серебристые блики.

Пройдя чуть дальше, он услышал звуки цитры.

Мелодия, струящаяся в быстро темнеющих сумерках, была спокойной и легкой. Услышав первые ноты, Чэнь Жун уже знал, что это играет Ван Хун. Бессознательно он последовал за прекрасной мелодией, мягко переступая в своем танце под его звуки. Он то беззвучно взлетал невысоко от земли, замирая в струях эфира, то взрывался серией приемов ближнего боя.

Практиковать под звуки эфирной мелодии было особенно легко. Казалось, что движения сами ложатся в предложенный ритм, а тело буквально переполняется силой.

Однако, сделав около дюжины связок, юноша был вынужден остановиться. Яркий свет луны осветил фигуру Ван Хуна, который действительно держал цитру, нежно пощипывая ее струны. Однако впереди и позади него собралась толпа нарядных девушек. Хорошо, что они настолько внимали своему кумиру, что Женю просто не могли заметить.

Чэнь Жун покачал головой, когда увидел их, и медленно отступил назад, в стремительно сгущающуюся темноту.

Как только он отошел к берегу, срываясь среди валунов, со стороны раздался хриплый, ломающийся юношеский голос:

— Вас зовут Чэнь Жун?

Женя отстраненно кивнул.

— Меня зовут Сунь Ян, но у меня есть и неофициальное имя.

Чэнь Жун снова кивнул. Сообщение домашнего имени означало определенную степень доверия и того, что он теперь входит в число близких. Он склонил голову, принимая этот факт, и посмотрел на высокого, красивого мальчика рядом с ним. Под лунным светом его тонкие черты лица казались особенно резкими и даже рублеными. Это не андрогинный омега – это будущий альфа.

Сунь Ян завороженно смотрел на сверкающую серебристую воду. Снова раздался его хриплый из-за возраста, голос:

— Дома Ван и Юй жалеют меня. — Он сжал губы в линию. — Они все лишь хотят подать мне милостыню. Хмпф! Я мужчина, зачем мне жалость других людей?

Он объяснял Чэнь Жуну, почему он так холодно отнесся к помощи людей Ван и Юй. Затем юноша повернул свое красивое лицо к нему.

— Я видел твой танец. Это красиво, но бесполезно в настоящем бою.

Чэнь Жун усмехнулся. Мальчик увидел лишь красивую сторону. Может это и хорошо? Он подал ему флакон.

—Это то, что понадобится тебе и твоему человеку.

Молодой человек неуверенно его принял. Но открыв пробку и, унюхав запах, просветлел лицом.

— Откуда?...

— Сделал, — пожал плечами Чэнь Жун.

Юноша некоторое время молчал, видно что-то осознавая.

— Одаренный?

— Омега. Принял дар перед походом.

— Я – альфа, в начале пути.

— Огонь?

— Откуда знаешь?

— Подпалины на повозке. Но я могу тебе помочь. Ты не только огонь.

— Путь огненного дракона. Наш род в родстве с императорским.

— …значит – заклинатель небесного пути.

Мальчишка замер.

— Заклинатель?

— Чему ты удивлен? Это дар огненных драконов. Ты уже рожден с драконом в крови. Он пробудился в минуту нужды. Но он нуждается в пище. И твой выбор сделать его огненным драконом Света или костяным драконом Тьмы. И то и другое приемлемо. Но месть разрушает путь света. Ты не сможешь подняться в культивации с такой целью.

— Как ты можешь так говорить? Ведь Тьма...

— Это ночь. Смерть - это конец жизненного пути на определенном этапе, отмеренном Тенгри. Только тот, кто знает и понимает Тьму, сможет ее обуздать. Но если ты жаждешь небесного пути света, то должен отпустить месть.

В принципе, Женя говорил прописные истины своего времени. Там давно уже не было деления на светлых и темных. Нужны были все. Даже те, кто изначально шел демоническим путем. Их осуждали, но не брезговали прибегать к их помощи, когда припекало.

Сунь Ян задумался.

— У меня нет свитков.

— У меня есть, – тонко улыбнулся Женя. — И есть пилюли прорыва и концентрации.

http://erolate.com/book/1285/36068